

О.В. СОКОЛОВСКАЯ

КРИТ В СУДЬБЕ ПРИНЦА ГЕОРГА ГРЕЧЕСКОГО И РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Традиционно дружественные отношения между двумя православными странами Россией и Грецией в XIX в. еще более укрепили династические связи: в 1867 г. юная великая княжна Ольга Константиновна, внучка императора Николая I, стала родоначальницей греческой династии, выйдя замуж за короля эллинов Георга I. Супругой российского императора Александра III была датская принцесса Дагмар, родная сестра короля эллинов (в браке – Мария Федоровна). С интервалом в один год в их семьях родились мальчики, которых любовно называли Georgy и Ники¹. Подросшие юноши, как было принято в королевских семьях, получали морское и военное образование. Встречаясь с детства в России, двоюродные братья стали друзьями и, когда в 1890 г. было решено отправить российского наследника в путешествие на Восток, Николай с радостью принял в Афинах на борт русского фрегата "Память Азова" принца Георга. Сопровождать молодых людей должен был посланник России в Афинах М.К. Ону, человек серьезный и в преклонных годах². По его признанию, как пишет в "Воспоминаниях дипломата" Ю.Я. Соловьев, работавший 1-м секретарем миссии в Греции, это назначение стало "одним из самых тяжелых эпизодов в его жизни", поскольку очень скоро "молодые люди стали позволять себе всякие неприличные выходки по отношению к старику и, в конце концов, перестали слушаться его советов", воспринимая его как скучного гувернера³. По словам Соловьева, на наследника особенно плохо влиял чрезвычайно веселый греческий принц, привыкший уже в Афинах не считаться с Ону (что было связано с весьма тесными отношениями с российской императорской семьей). Однако греческому принцу суждено было во время путешествия по Японии спасти наследнику российского трона жизнь: он весьма смело выбил своей тростью саблю из рук японского фанатика, который сначала плашмя ударил Николая по голове, а затем еще раз занес ее над его головой. Разве такое забывается!?

Отблагодарить своего друга юности и спасителя императору Николаю II представился случай уже через семь лет, когда встал вопрос о назначении нового генерал-губернатора Крита. В 1896–1897 гг. на острове произошло восстание греков, в ходе которого началась жестокая резня и великие державы, спасая православное население, направили в критские воды свои эскадры, положив начало миротворческой операции, продлившейся на Крите 12 лет.

Соколовская Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Николай II родился 6(18) мая 1868 г., принц Георг – 18 июня 1869 г.

² Российский посланник в Афинах в 1890–1901 гг. М.К. Ону – один из самых умных и неординарных, по воспоминаниям современников, российских дипломатов XIX столетия. Он был великолепным знатоком Ближнего Востока, закончил Лазаревский восточный институт в Санкт-Петербурге, прекрасно владел турецким, греческим и арабским языками, долгие годы служил драгоманом, а затем советником посольства в Константинополе. Из-за своей крайней скромности Ону не пользовался особым авторитетом при греческом дворе. Тем не менее он не упускал случая дать дельный совет греческому королю, например активнее добиваться вывода из Фессалии турецкой армии, чтобы затем державы могли возобновить переговоры о кандидатуре принца.

³ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1959, с. 114–115.

Критский вопрос, вставший со всей остротой с начала восстания, побудил великие державы взять остров под свое исключительное покровительство и выработать для населения основы автономного управления, но не отделения его от Османской империи. До назначения нового генерал-губернатора Крит перешел под управление совета адмиралов, командующих эскадрами четырех держав-покровительниц – Великобритании, Италии, Франции и России. Германия и Австро-Венгрия почти с самого начала отказались участвовать в разрешении назревшего критского вопроса⁴. Греческое правительство и даже король Георг I, спасавший династию, посчитали момент подходящим для присоединения острова к Греции и направили туда военные корабли и войска. Великие державы воспротивились такому неосторожному шагу, который мог вызвать пожар на всем Балканском полуострове, и заставили греков убрать свой флот с острова. Однако греки немедленно спровоцировали войну с Турцией, и уже через 30 дней, в мае 1897 г., потерпели в ней сокрушительное поражение. Греко-турецкая война и оккупация турецкими войсками Фессалии отложили на время вопрос о назначении нового генерал-губернатора Крита. Великие державы считали главной целью заключение греко-турецкого мирного договора на максимально выгодных для Греции условиях, одним из которых был вывод турецких войск из Фессалии. После подписания в декабре 1897 г. Константинопольского мирного договора между Грецией и Турцией вновь встал вопрос о назначении нового генерал-губернатора Крита. Причем очень скоро (двух кандидатов из турецких подданных отклонили, а племянник черноморского князя Дроза отказался сам) стала обсуждаться выдвинутая российским императором Николаем II кандидатура принца Георга Греческого.

Если в Греции и на Крите христианское население кандидатуру принца полностью поддерживало, то державы-покровительницы отнеслись к ней очень сдержанно, некоторые даже пытались вести двойную игру. Так, англичане беспокоились, не ухудшатся ли из-за назначения греческого принца генерал-губернатором отношения с Турцией. В действительности они опасались больше всего, что Россия будет играть решающую роль в разрешении критского вопроса. Однако МИД России проводил активную дипломатическую деятельность в поддержку своего предложения по кандидатуре принца во всех столицах европейских держав, и постепенно остальные кандидаты отпали, а к голосу России в критском вопросе стали прислушиваться.

Россия взяла на себя непростую миссию уговорить, или скорее убедить, турецкого султана как в неизбежности изменений на Крите в целом, так и в необходимости назначения новым генерал-губернатором острова греческого принца Георга, что и стало главной задачей прибывшего в Константинополь в январе 1898 г. нового российского посла И.А. Зиновьева. Переговоры с султаном Абдул Хамидом велись под руководством и ежедневным контролем министерства иностранных дел России во главе с графом М.Н. Муравьевым. Секретные телеграммы, письма и депеши приходили послу ежедневно, а иногда и по несколько раз в день. Ведь главным руководителем этих переговоров был сам Николай II, для которого назначение принца Георга стало делом чести. По инициативе российского императора кандидатуру принца Георга должен был продвигать брат греческой королевы великий князь Константин Константинович во время своего вояжа по Европе весной 1898 г. Он писал сестре Ольге Константиновне 28 января (9 февраля) 1898 г.: "Накануне отъезда мы завтракали в Зимнем. Ники очень настаивал и сердито говорил, что ни за что не отступит от требования назначе-

⁴ Королевство эллинов, созданное при поддержке европейских держав в результате войны греков за независимость в 1821–1829 гг., оставляло за своими границами под османским владычеством большую часть греческого населения и территорий. Это вызвало к жизни великодержавную доктрину – Мегали идея, которую горячо поддерживали греки по всему миру, в том числе критяне. Крит с его греческим населением считался неотъемлемой частью греческого мира и подлежал присоединению к существовавшему уже государству греков. См. подробнее о Мегали идея: *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX в. София, 1980; *Соколовская О.В.* Великодержавный национализм в XIX – начале XX в. – Общественно-политическая мысль в Европе в конце XVII–XX в. М., 1987.

ния Georgy в Крит, как бы там султан, поддерживаемый Германией, не упрямился. Он поручил мне так и сказать императору, если зайдет об этом речь"⁵.

Зиновьев начал дипломатическую атаку в Константинополе издали, говоря лишь о выгоде разрешения "жгучего критского вопроса путем назначения королевича Георгия генерал-губернатором"⁶. Но с султаном ему было разрешено говорить откровенно. Позиция России произвела на султана удручающее впечатление. Он пожелал отсрочить объяснения по вопросу о кандидатуре принца Георга, ссылаясь на то, что его "согласие с кандидатурой принца вызовет в Турции отчаяние и будет для него гибельно". Абдул Хамид настоятельно просил императорское правительство заявить, что оно согласно лишь на турецко-подданного. Упорство султана в отстаивании своей позиции доводило Зиновьева до отчаяния, нередко у него опускались руки: "дальнейшие настояния России не приведут к цели" или "не питаю иллюзий в отношении исхода объяснений"⁷. Однако, будучи весьма опытным дипломатом и хорошо понимая, что прямые решения были вовсе не свойственны туркам, а "вся государственная мудрость их в трудные минуты сводится к проволочкам и отсрочкам", посол приготовился к длительным переговорам по этому вопросу и словесной осаде султана. Россия настаивала, что вопрос о назначении принца Георга генерал-губернатором представляется "наиболее рациональным", так как гораздо более защитит на острове интересы мусульманского меньшинства (интересы которого дороги султану), а авторитет принца будет большим, чем любого турецко-подданного губернатора. На крайний случай была заготовлена и угроза: "Промедление в решении критского вопроса и вина за спонтанное присоединение Крита к Греции будет лежать на султанах"⁸.

В это время сообщения из различных провинций Турции, где проживало греческое христианское население, говорили о широкой поддержке российского предложения по кандидатуре принца. Так, российский консул в Янине Скрябин передавал 15(27) января 1898 г.: "Обычно мертвенно-монотонная жизнь в Янине прервана в настоящее время и особенно возбуждает переданное из Афин сообщение об избрании великими державами кандидатуры принца Георгия в критские губернаторы". На христиан особое впечатление произвело известие, что инициатива избрания исходит от России, что вызвало "радостное воодушевление". Христианское население Крита, как передавал российский генеральный консул Н.Н. Демерик, также благодарило державы за выдвижение кандидатуры принца Георга, а Народное собрание, к ужасу российских дипломатов, собиралось напрямую обратиться к императору России с одобрением и просьбой прислать на остров принца Георга губернатором⁹.

Династические связи в XIX в. являлись одним из весьма распространенных и эффективных средств политического влияния. Королева эллинов Ольга приняла горячее участие в назначении своего второго сына на Крит. 11(23) апреля 1898 г. она уже благодарила своего племянника, Николая II: "Мой родной, дорогой Ники!.. Что касается Крита, то разлука с Georgy будет очень тяжела; однако я мирюсь с этим, находя, что мы обязаны приносить своей стране всякие жертвы, если мы убеждены, что эта жертва послужит на ее пользу. Georgy на Крите нам кажется единственным средством для успокоения многострадального острова. Ты можешь себе представить мои чувства, когда я только подумаю, что мы всем обязаны России и, что если другие державы к ней в этом присоединились, то только потому, что на этом настояла Россия". И через несколько дней: "Окончательное назначение Georgy мне кажется... это такое

⁵ Из архива автора.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Миссия в Афинах, оп. 507, д. 1246, л. 20об.

⁷ Там же, л. 30, 3.

⁸ Там же, л. 42.

⁹ Там же, л. 27об., 109, 85.

великое событие для страны, что я ...мысленно не перестаю благодарить моего царя, устроившего все это! Храни Тебя Господь †"¹⁰.

Вскоре султан, узнав о широкой поддержке российского предложения в Греции и на Крите, передал Зиновьеву весьма секретное сообщение, в котором советовал России, во-первых, не полагаться на благодарность и расположение греков, рано или поздно они все равно перейдут на сторону Англии, так как назначение принца будет лишь способом укрепить Великобританию на Крите и на других островах Архипелага, вследствие чего могут подвергнуться опасности и проливы. Во-вторых, "не упускать из виду, что неприкосновенность проливов и охрана целостности и самостоятельности Турецкой империи находится в тесной связи с русскими интересами". Не решаясь напрямую отвергнуть предложение России, султан давал понять, что в случае отказа от кандидатуры он готов вступить с Россией "в более тесные обоюдовыгодные отношения". Зиновьев, оценивая эту инициативу султана, записал: "Характер Абдул Хамида отличается самым беззащитным вероломством". По мнению посла, к судьбе Крита султан в целом относился достаточно равнодушно, о чем Зиновьеву говорили неоднократно и приближенные султана. Посол объяснял упорство султана боязнью потерять авторитет в армии, которая уже понесла тяжелые потери в греко-турецкой войне¹¹.

На аудиенции в Зимнем дворце у российского императора Николая II турецкий посол в России Хусни-паша в марте 1898 г. повторил все доводы султана о невозможности назначения принца Георга генерал-губернатором Крита, а затем, от имени Абдул Хамида, потребовал, чтобы Россия пресекла все надежды критян на это назначение. Он обратил внимание Николая II на выгодность географического местоположения Крита, который "вполне командует проливами Средиземного моря", и намекнул, что влияние там какой-либо другой державы не отвечает интересам ни России, ни Турции. Посол просил российского императора "привести к решительному концу критский вопрос", поддержав кандидатуру султана, но император остался непреклонным¹².

Летом впервые проявили себя антимонархические оппозиционные силы, организовавшие манифестацию христиан в Кане против кандидатуры принца. Некоторые влиятельные греки-патриоты, жившие за границей, например, Г. Аверофф (построивший олимпийский стадион в Афинах, современные военные суда и т.д.), стремившиеся решить критский вопрос на демократических принципах, выступали также против кандидатуры принца и просили российского императора не поддерживать его. Одновременно активизировались на Крите правые политические силы, считавшие, напротив, что либеральные начала и избирательное право, предоставленное населению Крита, принесли ему немало вреда, но были необходимы при турецком режиме, чтобы оградить христиан от произвола турецкой администрации и вмешательства Порты. С признанием за островом автономии у них окрепло убеждение, что благом для критян была бы сильная единоличная власть. Такова была резолюция чрезвычайной сессии Народного собрания (ассамблеи), принятая в конце лета 1898 г.

После учиненной турками резни в Кандии в августе–сентябре 1898 г., когда погибли более 600 человек, великие державы добились вывода всех турецких войск и высшей администрации с острова, который формально оставался под сюзеренитетом султана. Это значительно облегчило задачу "умиротворения" Крита, которую взяли на себя державы-покровительницы. Их интернациональный контингент (более 7 тыс. человек) и флоты контролировали теперь весь остров.

В начале октября 1898 г. Россия официально предложила на пост генерал-губернатора острова 27-летнего принца Георга Греческого. Несмотря на все протесты султана, который лично обращался к Николаю II, все державы-покровительницы кандида-

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 601, оп. 1, д. 1315, л. 113, 118.

¹¹ АВПРИ, ф. Миссия в Афинах, оп. 507, д. 1246, л. 68–68об.

¹² Там же, л. 209; АВПРИ, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 175, л. 11–12.

Принц Георг Греческий. 1898 г.
Фотография П. Дьямантопулоса из коллекции критского фонда "Хрисостомос"

туру одобрили и запросили у Георга I разрешения на назначение его сына на эту должность на три года.

В середине ноября султану была направлена нота держав о порядке назначения принца верховным комиссаром, что, как и ожидалось, вызвало недовольство в Турции и огорчило султана. Министр иностранных дел Турции Турхан-паша еще трижды просил Зиновьева донести до императора все возражения султана. Посол отвечал, что положение Порты и султана вряд ли улучшится, если Россия ослабит свое участие в судьбе Османской империи. Данный ответ очень испугал турецкого министра¹³.

Из-за маниакального нежелания султана смириться с этим решением, державы-покровительницы пошли на своеобразную уловку, приняв предложение Франции: принц Георг должен был называться не генерал-губернатором (вали), а верховным комиссаром четырех великих держав. Это упростило процедуру его назначения, которая в этом случае не требовала одобрения Порты, а самому султану было легче примириться с назначением.

С разрешения греческого короля 14(26) ноября принц официально принял на себя звание верховного комиссара четырех держав на острове Крит. На аудиенции у короля эллинов Ону обсудил с ним вопросы назначения верховного комиссара и был раздосадован позицией, которую заняла греческая королевская семья. Посланник телеграфировал, что, несмотря на все единодушные и дружеские возражения держав, король Георг I дал принцу "из ряду вон выходящее повышение, желая поставить его на одну ногу с адмиралами", сделав его за несколько дней капитаном 1-го ранга, контр-адмиралом и, наконец, вице-адмиралом, несмотря на то, что адмиралы отбывали с острова в момент прибытия туда принца¹⁴. "Конечно, без затруднений не обходится ни одно доброе дело, а добрые дела и великие дела уже сделаны – Крит освобожден от турецкого ига, – писал Ону. – Какая будущность не предстояла бы острову – она не

¹³ АВПРИ, ф. Миссия в Афинах, оп. 507, д. 1247, л. 558, 627, 629.

¹⁴ Там же, л. 44.

может быть хуже того, что было до сих пор и что составляло одну из главных угроз нарушения мира на Востоке". М.К. Ону писал также товарищу министра иностранных дел В.Н. Ламздорфу, что, "понимая необходимость насколько возможно щадить призрачное верховенство султана, сводящееся, в конце концов, к пустым формальностям, я был удивлен, встретив со стороны королевской семьи мало сочувствия и довольно странное отношение к этому вопросу... Даже общественное мнение и печать, обыкновенно столь резкие и увлекающиеся в Греции, поняли ничтожность уступок, сделанных самолюбию султана. В объяснениях с королевской семьей мне довелось высказать мысль, что истинные друзья нередко видят лучше, чем те, которые причастны к делу, и что, если слишком натягивать струну – турки, не будучи в состоянии выместить обиду на великих державах, перенесут свою злобу на отношения к эллинскому правительству... Весь материальный ущерб, который от этого произойдет, греки поставят, несомненно, в упрек династии"¹⁵.

Накануне отъезда принца на Крит состоялась его встреча с российским посланником в Афинах. Принц откровенно сказал Ону, что отправляется на Крит "в качестве греческого патриота". Это весьма насторожило посланника, так как державы только что неимоверными военными и дипломатическими усилиями "умиротворили остров", убедили султана вывести турецкие войска с него, что позволяло в мирных условиях приступить к созданию автономной администрации. Давние отношения с принцем давали Ону право говорить с ним откровенно. Посланник напомнил ему, что принц отправляется на Крит прежде всего как комиссар четырех великих держав, а не греческий патриот, и "чем менее он будет забывать о таковом своем назначении, тем большую услугу он окажет греческим патриотам"¹⁶. Ону обратил внимание принца Георга на возможность ухудшения отношений с Турцией, если не новой войны. Российский посланник указал, что греки не будут благодарить династию за новые смуты, вызванные чрезмерными притязаниями королевской семьи. «"Но это было бы делом великих держав – образумить турок", – возразил мне принц, – писал Ону. – Я ответил, что он не совсем правильно смотрит на обязанность для нас нести последствия того, что было связано наперекор нашим советам». По поводу разных затруднений, несомненно предстоящих верховному комиссару по прибытии его на Крит, принц сказал, "что он полагается на благоволение к нему государя императора и что в случае нужды он прямо обратится к его величеству". "Я заметил, – продолжал Ону, – что император и так дал ему несомненные доказательства благоволения". Посланник советовал "не затруднять его величество личными обращениями, разве за исключением самого крайнего случая". "Перед государем императором раскрыт широкий горизонт, в коем не всегда возможно примирить интересы общего мира с другими второстепенными интересами... Я полагаю... император всегда будет расположен к его высочеству, но у его величества могут не случиться под рукой все необходимые для проявления этого расположения элементы". "Королевич понял и не рассердился", – с удовлетворением написал в конце своего донесения в МИД Ону¹⁷. Несмотря на пренебрежительное отношение к посланнику при российском и греческом дворах, сам Ону, обладая незаурядными знаниями политических отношений и людей, часто говорил об ошибках петербургского министерства иностранных дел, о крайней неразумности греческих властей и полагал, что "он призван регулировать и сочетать порой непримиримые противоречия двух борющихся между собой несознательных сил"¹⁸.

Зиновьев передавал в МИД России в середине декабря, что назначение принца вызвало в турецком обществе крайнее разочарование в российской политике. Турецкая общественность даже карательные действия англичан в Кандии осенью 1898 г. (после

¹⁵ Там же, д. 1245, л. 191–191об.

¹⁶ Там же, л. 191.

¹⁷ Там же, л. 191–193.

¹⁸ Соловьев Ю.Я. Указ. соч., с. 114.

устроенной там турками резни) восприняло спокойнее. Они не ожидали, что Россия, поддерживавшая наилучшие отношения с султаном, все-таки примет на себя инициативу назначения члена греческого королевского дома "правителем отторгаемой от империи ее составной части"¹⁹.

Султан пытался оставить ноту о назначении греческого принца без ответа, но после тяжелых раздумий и трезвой оценки своего положения в ответной ноте от 19 ноября (1 декабря) он лишь смиренно попросил державы обеспечить его верховные права на остров²⁰.

Для христиан Крита назначение верховным комиссаром члена королевской семьи, тем более уже после успешного вывода с острова всех турецких войск и турецких высших чиновников, являлось серьезным этапом на пути присоединения Крита к Греции. Хотя не все греки, даже историки, до сих пор готовы это понять и признать. Критяне готовы были дать принцу полную самостоятельность самой широкой власти, о чем гласило постановление критского Народного собрания.

Со своей стороны критские мусульмане по наущению из Турции приготовили петицию королеве Виктории о принятии критян-мусульман под покровительство Англии, а по сведениям М.Н. Муравьева, инициативу проявили сами англичане²¹. Мусульманское население решило затем обратиться к каждой из великих держав с предложением о принятии их под свое особое покровительство. Россия считала, что это "противоречило бы принятому державами основному началу, в силу коего на острове не должно быть разделений на христиан и мусульман", а интересы всех без различия исповеданий были вверены попечению верховного комиссара держав.

Процедура прибытия принца на Крит, которая была очень важна для греческой королевской семьи, оказалась весьма деликатным делом. Ону считал, что желание принца прибыть на греческой яхте под греческим флагом и при исполнении греческого гимна "идет вразрез с уважением прав султана", с которым Россия не собиралась окончательно портить отношения. Но державы, под давлением российского императора, пошли навстречу греческой династии²².

Отъезд принца на Крит, как писал Ону, состоялся в назначенный день в понедельник 7(19) декабря 1898 г. Площадь перед дворцом и улицы до вокзала были полны народа. Король, к общему удовольствию держав-победительниц, произнес речь, не содержащую высказываний антитурецкого характера. Вся королевская семья сопровождала королевича в Пирей и простилась с ним на королевской яхте "Амфитрида", которая в 10 вечера подняла якорь и вышла в море.

В то же время четыре флагманских корабля держав-покровительниц вышли с Крита на о. Милос, куда на следующий день прибыл принц Георг. Встреченный со всеми почестями, подобающими принцу крови греческого королевского дома, он перешел со своей яхты на французский крейсер "Бужо" – флагманский корабль старейшего из адмиралов вице-адмирала Потье. После этого в 11 ночи все четыре флагманских корабля "Герцог Эдинбургский", "Бужо", "Ревендж", "Франческо Моросини" – снялись с якоря и пошли обратно на Крит. На следующее утро они уже были в Суде, где принц Георг сошел на берег возле арсенала под приветственные крики толпы, а затем проследовал в здание конака, где принял от адмиралов бразды правления. Поднятие по этому случаю критского флага сопровождалось салютом со всех четырех судов международной эскадры. 14(26) декабря в г. Канея в присутствии верховного комиссара состоялась закладка нового дома епископа и православной общины, сооружаемых по высочайшей воле русского императора на русские деньги.

¹⁹ АВПРИ, ф. Миссия в Афинах, оп. 507, д. 1245, л. 678.

²⁰ Там же, л. 707–708.

²¹ Там же, л. 33.

²² Там же, д. 1247, л. 92.

Прибытие верховного комиссара великих держав принца Георга Греческого и прекращение блокады Крита кораблями великих держав означали, что кризис 1896–1898 гг. миновал. Соответственно пребывание адмиралов Потье, Ноэля, Беттоло, Скрыдлова на острове стало неуместным, и на следующий день члены Совета адмиралов на своих флагманских кораблях вышли из бухты Суда. Как писал в донесении с Крита Демерик, отплытие адмиралов "сопровождалось овациями населения"²³. Премьер-министр Великобритании лорд Солсбери, воздавая похвалу адмиралам, не без юмора пожелал, чтобы европейские кабинеты могли бы работать с таким же воодушевлением и быстротой²⁴.

День прибытия на Крит верховного комиссара принца Георга стал значимой датой греческого календаря, так как на Крит после венецианских, египетских и турецких завоевателей прибыл первый греческий правитель. По справедливому замечанию Соловьева, "это была комбинация, повлекшая за собой окончательное присоединение острова к Греции"²⁵. После этого разделение Крита с Грецией стало носить формальный характер.

Принц Георг, назначенный на три года, пробыл на Крите почти восемь лет, наполненных чрезвычайно бурными событиями. В руках принца сосредоточивалась большая власть на острове, которая требовала от него умения управлять, дипломатического такта, больших знаний в различных областях. Первые два года управления верховного комиссара – 1899–1900 гг. – проходили совершенно спокойно. "Если критяне готовы были повиноваться всяким распоряжениям, порою непривычно для них суровым, – писал российский генеральный консул на Крите А.А. Гирс в конце 1900 г., – то обстоятельство это следует приписать чувству радости, охватившей их от освобождения от османского владычества и с прибытием в качестве управителя представителя греческого королевского дома"²⁶. Но постепенно авторитарный курс управления островом, который, по совету прежде всего России, проводил принц Георг, все более разочаровывал местных политиков и общество. Английский историк Майкл Кентский пишет, что "приветливость и энтузиазм сделали его популярным в крестьянской среде", но что небольшая группа молодых политиков во главе с 34-летним юристом Э. Венизелосом действовала против него, считая, что консервативная политика Георга мешает настоящему присоединению острова к греческому государству²⁷.

Вся бурная политическая борьба как в Греции, так и на Крите, была связана с обсуждением путей осуществления греческой программы Мегали идея и одной из главных ее задач – присоединения к Греции "великого острова Средиземноморья" Крита. Однако великие державы не торопились выполнять обещание, хотя в отличие от Македонии, где вскоре вспыхнет настоящая война между балканскими народами и будут сражаться критские добровольцы, ни одно из балканских государств, кроме Греции, не претендовало на Крит, и на острове опять началось брожение. Такое положение дел и состояние умов приводили греческого принца в замешательство. Если державы найдут возможным в случае беспорядков на острове употребить военную силу против зачинщиков движения, то он, принц греческого дома, не может встать во главе международного отряда и идти наперекор критянам и всем грекам, даже будучи верховным комиссаром. Поэтому единственным выходом он считал присоединение острова к Греции. Находясь в сильном беспокойстве за судьбу свою и острова, принц Георг решил осенью 1900 г. посетить европейских правителей. Свой вояж он начал с визита к кузену Николаю II, отдыхавшему в Ливадии в Крыму. Население Крита особые надежды возлагало на русского императора, видя его щедрость и помятуя о тесных ди-

²³ Там же, д. 1245, л. 206.

²⁴ Морской сборник. СПб., 1899, № 3, с. 18–19.

²⁵ Соловьев Ю.Я. Указ. соч., с. 121.

²⁶ АВПРИ, ф. Миссия в Афинах, оп. 507, д. 1265, л. 22.

²⁷ *Michel of Greece, Palmer A. The Royal House of Greece. [s.d.], 1990, p. 33.*

настических связях греческого и русского королевских домов. Связи эти еще более укрепились в 1889 г. бракосочетанием греческой принцессы Александры с младшим сыном Александра II – великим князем Павлом Александровичем, двоюродным братом Ольги Константиновны. Принцесса Мария, хотя и была яркой греческой патриоткой, в 1900 г. стала женой другого кузена матери – великого князя Георгия Михайловича.

Обеспокоенный принц убеждал российского императора, что наиболее целесообразно было бы четырем державам "по собственному почину провозгласить или допустить окончательное присоединение острова к Греции, вполне отвечающее желанию критского народа". Греческая королева Ольга Константиновна, находившаяся в это время в России, также пыталась воздействовать на племянника, 7 сентября 1900 г. она писала из Павловска Николаю II: "Ники, прелесть моя! На днях я видела Ону и признаться слегка поспорила с ним касательно будущности Крита. Оказывается, что он сторонник автономии Крита, и эту мысль он высказал Вилли (Георгу I. – *О.С.*), который очень был ею возмущен. Я, даже не зная этого, услышав такое мнение Ону, тоже очень возмутилась. Никогда мне такая комбинация в голову не приходила, т.к. Крит только и может продолжать принадлежать Турции или же, освобождаясь от нее, окончательно соединиться с Грецией.

Автономия же дело немыслимое, антипатриотическое, с которым ни Вилли, ни George мириться не могут. Впрочем, кажется, что и ты сам никогда об этом не думал, и говорили только о продолжении полномочий George, если соединиться с Грецией окажется (через полтора года) еще преждевременно. Впрочем, вероятно, мнения Ону в этом деле не спросят и оно останется... без последствий"²⁸.

Николай II, сначала поддался уговорам своей венценосной тетушки и красноречию греческого кузена, который с жаром убеждал его в необходимости срочного переустройства Крита наподобие Боснии и Герцеговины. Из дипломатической переписки мы узнаем ранее никем не замеченный важный факт: Россия для предотвращения крайне опасных решений Народного собрания Крита взяла на себя почин заявить о своей готовности введения нового порядка на острове по плану, предложенному в памятной записке принца, предъявившего ее правительствам Франции, Италии и Англии, если все они согласятся. По мнению принца у Греции были те же права, что и у Австрии, в оккупированных турецких землях. Министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховский вспоминал, что принц, еще будучи в Ливадии, получил согласие российского императора на своевременную замену международных войск греческими оккупационными войсками наподобие той, которая предоставлена была Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине²⁹. Ольга Константиновна писала брату великому князю Константину Константиновичу, что ее сын Георг "добился благоприятных результатов в своих разговорах с Ники и Ламздорфом; присоединение пока невозможно, но они нашли комбинацию, удовлетворяющую все стороны; он уехал с бумагой, в которой все это изложено, надо только надеяться, что западные державы (чтоб им пусто было) примкнут к этому решению, тогда можно успокоиться на счет Крита. Я думаю, что Ники будет скучновато без Georgy, с которым он купался, гулял и ездил верхом по целым часам"³⁰. Турки указывали послам великих держав, что присоединение Крита к Греции было бы явным нарушением обязательств четырех европейских держав в отношении Порты. Это, по их мнению, могло вызвать осложнения на Востоке или возбудить народы Балканского полуострова. Турецкое правительство, озабоченное поездкой принца по Европе, дало указание своим дипломатам зорко следить за его переговорами. Однако никто из держав-покровителей не решился открыто высказаться в пользу нового плана устройства Крита, осуществлению которого Россия обещала свое содействие, если бы все прочие державы изъявили хотя бы свое принципиальное

²⁸ ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1315, л. 136.

²⁹ АВПРИ, ф. Миссия в Афинах, оп. 507, д. 1268, л. 9об.

³⁰ ГАРФ, ф. 660, оп. 2, д. 230, л. 102–103.

согласие на постановку критского вопроса в той форме, как она была изложена в имевшейся у принца памятной записке.

В 1905–1906 гг. на острове вспыхнуло восстание, организованное оппозицией во главе с Венизелосом под лозунгом немедленного присоединения острова к Греции. Оно было подавлено великими державами, считавшими его несвоевременным, а поднятие вопроса о присоединении Крита к Греции – весьма опасным для стабильности в Европе. Вскоре встал вопрос о смене верховного комиссара острова. Не помогли даже ходатайства королевы эллинов Ольги Константиновны перед Николаем II. Россия, в которой бушевала первая русская революция, не могла более настаивать на удержании на острове члена греческой королевской семьи. В конце концов, главной задачей русской дипломатии на Крите было сохранение там спокойствия, т.е. умиротворение острова. В результате новым верховным комиссаром стал известный греческий политик А. Заимис.

Накануне отъезда принц обратился к критянам с воззванием в патриотическом духе, что вызвало новые волнения: в сторону Канеи двинулось около 2 тыс. вооруженных сторонников принца, а затем многие из них направились к дворцу в Халепо, где произошли столкновения с международными силами, были погибшие. Принц неохотно подчинился требованию держав о срочном отъезде прямо из дворца, находящегося на самом берегу: он был оскорблен, что ему приходится "убегать, как вору или преступнику", и в воспоминаниях назвал свой режим "несчастливым"³¹. При таком вынужденном отъезде его не провожали ни консулы, ни официальные лица. И впрямь это было настоящее бегство! Прибыв на остров в 1898 г., принц воспринимался как консолидирующая сила, а уезжать ему пришлось в обстановке почти полного хаоса, в котором сам он был повинен лишь в небольшой степени. Критская оппозиция во главе с "автором отъезда принца" Венизелосом торжествовала.

Через год принц Георг женился на принцессе Марии Бонапарт, праправнучке Наполеона I. Более опытный политик Заимис сумел удержать остров, "дымящимся, но не горящим"³². Он провел ряд выработанных четырьмя державами административно-финансовых реформ в рамках новой конституции (гораздо более демократичных, чем в самой России); выполнил все требования держав и подготовил почву для вывода всех международных сил с Крита в 1909 г.³³ Крит был присоединен к Греции в результате балканских войн в 1913 г. После убийства в марте 1913 г. короля эллинов Георга I на греческий трон взошел старший брат принца Георга кронпринц Константин, который и поднял на Крите греческий флаг.

³¹ Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 417, оп. 1, д.3451, л. 491; *George Prince of Greece. The Cretan Drama. The Life and Memoirs*. New York, 1959.

³² *Michel of Greece*. Op. cit., p. 36.

³³ Подробнее о миротворческой операции великих держав на Крите в 1897–1909 гг. см.: *Соколовская О.В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006.